

В. В. ПИМЕНОВ

ПОЕЗДКА К ПРИОНЕЖСКИМ ВЕПСАМ¹

Вепсы — небольшой народ, говорящий на языке, относимом в лингвистических классификациях к западнофинской ветви финно-угорской семьи языков. В настоящее время вепсы не имеют единой этнической территории, а расселены в нескольких местах Ленинградской и Вологодской областей и Карельской АССР. На территории Карельской АССР вепсы живут по юго-западному берегу Онежского озера и составляют компактное большинство среди населения Шокшинского, Вехручейского, Шелтозерского, Матвеевсельского и Рыборецкого сельсоветов Прионежского района республики, а также в двух деревнях (Урицкая и Володарская) Подпорожского района Ленинградской области, непосредственно примыкающих к территории республики с юга.

Однако есть все основания считать, что район расселения прионежских вепсов был в прошлом значительно шире. В 70-х гг. прошлого века вепсы жили по западному побережью Онежского озера вплоть до Петрозаводска, с одной стороны, до реки Свири и вниз по ней вплоть до впадения в нее речки Ивины (исключая район Ладвы — Таржеполя) — с другой². Можно думать, судя по данным топонимики, что раньше вепсы были расселены на еще более обширной территории.

Издавна главное занятие вепсов — сельское хозяйство. Вплоть до 20-х гг. нашего столетия в земледелии вепсов господствовало трехполье: в значительной мере сохранялась и подсечная система. Каждое хозяйство располагало небольшим участком пашотной земли, выделенным ему общиной (менее 1 десятины на хозяйство), а кроме того обрабатывало лесные участки, где предварительно вырубали и выжигали лес (пáло, óжогн).

Основными культурными растениями у вепсов были следующие: пшеница (нй́жу), ячмень (озр), рожь (ру́гиж), овес (кагр), репа (на́гриж), очень редко просо (прос), лен (пбуваз).

Сельскохозяйственные орудия прионежских вепсов были вплоть до коллективизации весьма примитивны и не отличались сколько-нибудь существенно от орудий, бывших в употреблении у соседнего русского населения, это — двузубая коловая соха (адр), деревянная борона (ягез), коса-горбуша (викатех), зубчатый серп (сирп), топор (кйрвез) и косарь (кáсарь) для обработки подсеки. Как легко заметить, некоторые названия этих орудий, как и многие термины в других областях хозяйства и культуры, заимствованы из русского языка.

Кроме земледелия, большое значение имело и имеет животноводство молочно-мясного направления. Домашние животные, разводимые вепсами: корова (лехм), лошадь (хёбо), овцы (ламбахд), собака (койр); овиней (сйга) и коз (кбза) прежде совсем не держали, очень мало их и теперь. Из птиц держат только кур (кáна); водоплавающей птицы совсем не разводят, хотя, казалось бы, наличие Онежского озера и мелких внутренних озер представляет в этом отношении большие удобства.

Известное вспомогательное значение в хозяйстве вепсов имеют соби́рание грибов и ягод — малины (ба́бари), черники (му́стыкейне), дикой смородины (се́стрикейне); охота, развитая, впрочем, довольно слабо, и рыболовство (простейшие орудия — удочка, (удвиц), морды (ме́рдад) и пр.). В особенности большое значение имел прекращенный теперь промысел пальы (паль) и ряпушки (ряпуз) в Онежском озере.

Ремёсла не получили у вепсов широкого развития: керамические изделия здесь изготовлялись в небольшом количестве, а в основном употреблялись привозные (с Андомы и из Вытегры); кузнечное дело было развито слабо. Занятие сельским хозяйством не обеспечивало семье прожиточного минимума: своего хлеба хватало на 4—5

¹ В настоящей заметке использован материал, собранный в районе расселения вепсов на территории Карельской АССР в экспедиции, проведенной под руководством автора в 1955 г. по поручению Государственного историко-краеведческого музея в г. Петрозаводске. Обследовано 28 основных населенных пунктов. Материалы экспедиции хранятся в фондах Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР.

² «Список населенных мест. Олонецкая губ. (по данным 1873 г.)», СПб., 1879, стр. L, 14 и след.

месяцев в году. Чтобы заработать деньги на уплату налогов и на покупку хлеба, который привозили торговцы в с. Вознесенье, вепсы отправлялись на заработки — отхожие промыслы (бурлакод). Не было семьи, из которой кто-нибудь не уходил бы летом на заработки. Любопытно, что у вепсов и в смежных русских районах сезон отхожих промыслов продолжался с мая до середины ноября, причем даже в сенокосную пору отходники не возвращались домой для работы в своем хозяйстве. В связи с тем, что на заработки уходили мужчины, всю крестьянскую работу выполняли в основном женщины. С течением времени у мужчин даже появилось пренебрежительное отношение к крестьянскому труду, как к женскому занятию; над теми мужчинами (очень немногими), которые не уходили «бурлачить», подтрунивали.

На отхожих промыслах вепсы работали по найму в качестве сельскохозяйственных рабочих, землекопов, печников, плотников, каменщиков, камнетесов и камнерезов. Последние три профессии можно считать особенно характерными именно для прионежских вепсов. Начиная с конца XVIII в. велись, а частью и теперь ведутся разработки некоторых пород строительного и декоративного камня на территории расселения вепсов — порфир в Шокше, диабаз в Рыбреке. Намогильные плиты (коуман кивед) на кладбище в Рыбреке, часть которых датируется серединой прошлого века, сделаны руками вепских мастеров.

Характер хозяйства после Октябрьской революции и в особенности в результате коллективизации резко изменился. Исчезли последние следы подсечного земледелия, колхозы и МТС оснащены новой современной техникой, прекратилось отходничество. Надо сказать, что во время Великой Отечественной войны вепские колхозы сильно пострадали от фашистских захватчиков. В настоящее время на территории расселения прионежских вепсов создан крупный совхоз животноводческого направления — Шелтозерский, в котором работает большинство вепсов, занятых в сельском хозяйстве.

* * *

Трудно пока наверняка сказать, когда у вепсов родовой строй сменился феодальным. Можно лишь, судя по некоторым данным, высказать предположение, что этот процесс проходил в течение первой половины II тысячелетия н. э. Об этом, в частности, свидетельствуют легенды вепсов, одна из которых особенно интересна и связана с названиями двух населенных пунктов — Гимреки (на берегу Онежского озера) и Гакручя (на р. Свири). Легенда рассказывает о двух братьях — Гиме и Гаке, которые в незапамятные времена поселились со своими родичами первоначально на том месте, где теперь находится деревня Гимрека, и занимались рыболовством и охотой. Постепенно им стало тесно жить в одном месте, и младший — Гак вместе со своими родичами ушел от брата в другое место, где и основал поселение, которое и по сей день называется по его имени — Гакручей. Едва ли можно сомневаться в том, что эта легенда является реминисценцией весьма далекого времени, когда вепсы не знали еще земледелия и скотоводства, а занимались охотой, рыболовством и собирательством. Интересно отметить, что деревня Гимрека теперь заселена почти исключительно русскими (вепсов в ней всего несколько человек), а Гакручей — исключительно русскими. Легенда же определенно указывает на то, что в прошлом здесь жили вепсы, что находится в полном соответствии с другими данными³. Вероятно, в то время, к которому относится возникновение легенды о Гиме и Гаке, патриархально-родовые отношения у вепсов находились в стадии разложения, заменяясь отношениями иного порядка: возникали территориальная община и большая патриархальная семья, дожившие — в новых условиях — до начала XX века. В это же время сложилась, возможно, у вепсов и патронимия.

М. В. Витов связывает патронимию с выделяемым им на Европейском Севере СССР гнездовым типом расселения⁴, который представляет собою исторически сложившуюся группу небольших поселений — деревень, тяготеющих к одному центру — погосту. В позднейшее время — с ростом населения — «гнездо» складывалось в более компактный комплекс, так что часто такую группу деревень легко можно принять за единое большое поселение. Однако обычно выясняется, что это большое поселение состоит из нескольких сросшихся мелких деревень. У прионежских вепсов мы по большей части и встречаемся с этим последним типом расселения — сросшимся гнездовым Рыбрека, Шокша, Матвеева Сельга, Шелтозеро), где каждое гнездо состоит из слившихся воедино мелких деревень (пагаст).

В настоящее время невозможно проследить связь патронимии с таким «гнездом» поселений. Все наши информаторы-вепсы решительно отвергали предположение о существовании родственных связей патронимического характера, которые бы распространялись на население всего «гнезда» в целом: границы «гнезда» совпадают не с границами патронимии, а с границами поземельной, территориальной общины.

Другое дело — входящие в состав «гнезда» деревни, которые бывают у вепсов довольно большими (обычно 10—20 дворов). Границы такой деревни, как правило,

³ Например, с данными топонимики; см. статью Н. И. Богданова «К истории вепсов», «Изв. Карело-финского филиала АН СССР», 1951, № 2.

⁴ М. В. Витов, «О классификации поселений», «Сов. этнография», 1953, № 3; Е го же, Гнездовой тип расселения на русском Севере, «Сов. этнография», 1955, № 2.

совпадают с границами существовавших в прошлом родственных коллективов, сохранившихся до недавнего времени черты, свойственные патронимии. Во-первых, они и до сих пор населены по большей части однофамильцами (например, Ишанины в деревне Ишаниной, входящей в «гнездо» Вехручей); во-вторых, по сообщениям наиболее пожилых информаторов, лет 50—60 назад браки между жителями этих деревень были невозможны, так как жители считались родственниками; в-третьих, при разделах больших семей члены выделявшихся из их состава малых семей старались строить свои дома рядом, в той же деревне, для чего испрашивалось разрешение схода; наконец, в-четвертых, в некоторых случаях на погостском кладбище (кбумжом) умерших членов одной деревни старались хоронить в определенном месте.

Гораздо лучше сохранились у современных вепсов воспоминания о большой семье. Многие наши информаторы сами являлись раньше членами больших семей и могли с подробностями рассказать о структуре, хозяйстве, внутренних взаимоотношениях в большой семье. Во главе ее стояли хозяин — большак (ижанд) и хозяйка — большуха (эмаг). Власть ижанда была раньше почти неограниченной. Он распределял членов семьи по работам, отправлял на отхожие промыслы (все заработанное отдавалось ижанду). Процесс разложения больших семей у вепсов — частые их разделы — начался, по-видимому, со второй половины XIX века. Впрочем, по другим данным, отдельные большие семьи дожили до 20-х гг. нашего века. С одной стороны, наличие подсечно-огневого земледелия способствовало консервации больших семей: работы, связанные с подсекой, чрезвычайно трудоёмки, и справиться с ними может только значительный коллектив людей. Однако, с другой стороны, постепенно значение земледелия вообще (и в особенности подсечного) стало падать; напротив, стало возрастать значение отхожих промыслов⁵ в хозяйстве большой семьи. Связь с капиталистически развитыми районами становилась более тесной. В самой вепской деревне складывались буржуазные отношения. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, затронутые влиянием капиталистического общества, у них зрело недовольство властью хозяина-ижанда. Все это вело к частым разделам больших семей. Все же большая семья у вепсов сохранялась дольше, чем у русского населения соседних районов (Ладва — Таржеполь).

У старшего поколения вепсов еще существуют остатки древних дохристианских верований: вера в домового хозяина (перть ижанд), банного хозяина (кильбет ижанд), лесовика (мёццыне) и некоторых других; эти существа якобы живут семьями, у них есть жены, дети.

Существовала у вепсов и поземельная община, отличавшаяся некоторыми своеобразными чертами: общинное владение землей и частное землепользование; отсутствие общих переделов земли при частичных переделах; отсутствие круговой поруки; свободный уход членов общины на заработки. Сходы (суймы) собирались не чаще одного раза в год. На сходах избирались десятские, сборщик налогов и писарь (староста назначался волостным правлением), раскладывались налоги, выделялись участки для постройки домов, решались вопросы о ремонте церкви и т. п. Впрочем, хотя участки земли и наследовались и не подвергались периодическим переделам, все же власть общины была достаточной для того, чтобы не позволить некоторым крестьянам выделиться из общины на хутора в период столыпинской реформы.

* * *

Жилище прионежских вепсов — деревянная изба (перть), рубленая большею частью «в лапу», на высоком подклете, а часто и двухэтажная, с двускатной крышей (нередко с «мезонином»), покрытой дранью, трехраздельного плана: сени (пёртегед сёнцад) — изба — горница (гёрниц), или сени — изба — чистая изба. Положение печи находится ближе к противоположной стене, или устье печи повернуто в сторону боковой стены, а самая печь находится ближе к той боковой стене, к которой печь стоит ближе). Стол (стóла) помещается в «красном углу» (суурь чўга) или у фасадной стены перпендикулярно ей. Снаружи дом часто украшен пропиловочной резьбой: наличники (наличникад), конек, балясины (балясин), мезонин (волдарий) и т. д. Орнамент ромбический (наиболее распространенный), стилизованный животный, очень редко антропоморфный.

Под одной крышей с домом, примыкая к нему сзади и как бы составляя с ним одно целое (однорядная связь), находится двор (тáнназ), также рубленный обычно «в лапу». В него ведут три входа: из сеней — дверь, снаружи — ворота в нижнюю его часть и «взвезд» с воротами в верхнюю часть двора — своеобразный чердак (вышк), образованный насланными на высоте около трех метров жердями, где обыкновенно хранят сено. Дом с двором стоит на приусадебном участке, обнесенном косым плетнем или изгородью, в конце которого часто расположена баня (кильбетъ) — небольшой сруб с печью-каменной (кбудук) и вмазанным в нее котлом (кáттил).

Лет 50 тому назад вепсы располагали весьма примитивными средствами передвижения. Колесных повозок не было почти ни у кого, состояние дорог было скверное, поэтому колесные повозки были мало пригодны. Чтобы перевезти какую-нибудь

⁵ Ср. «Вестник Олонецкого губернского земства», Петрозаводск, 1909, № 12, стр. 13.

кладь, пользовались волокушей (ретхуед), в которую запрягали лошадь (хёбо), Основные перевозы происходили в зимнее время, после установления санного пути. Сани у вепсов — двух типов: легкие санки (кёрдейне) для поездок без большого груза и дровни — специально грузовые сани (рёги). Можно отметить, что, по обычаю, для свадебного поезда употреблялись легкие санки, а для похорон — дровни.

До сих пор кое-где сохранились специфически северное средство передвижения — самодельные березовые лыжи (суксад). Расселение вепсов в основном у воды обусловило довольно широкое применение в быту различных размеров лодок (вёнех) своеобразного онежского типа (с приподнятыми кормой и носом), а также челноков (рухдь), и теперь применяемых вепсами для рыбной ловли на мелких внутренних озерах.

В настоящее время в связи с дорожным строительством вошли в быт колесные повозки (тёлер); ретхуед можно встретить лишь где-нибудь на задворках; лыжи употребляются по большей части фабричного производства. Налажено автобусное сообщение между Петрозаводском и Вознесенем.

Большое место в быту вепсов занимают предметы, изготовленные из бересты (тõхи), дерева (пүү), корневищ (дьюред) и пр. Особенно разнообразны изделия из бересты: солонки (солонк), пороховницы, табакерки, туеса, заглечные кошелы (кåш-шаль), пастушьи рожки (лутт), корзины (бурак), лапти (вирзуд), сплетенные в семь концов, и т. п.⁶. Обычно берестяные предметы не орнаментированы; исключение составляют, по-видимому, лишь туеса, покрытые иногда с внешней стороны очень простым геометрическим или линейным орнаментом. В настоящее время искусство изготовления изящных берестяных изделий почти совершенно утрачено. Между тем следовало бы приложить усилия к его возобновлению, создать художественно-производственную артель. Можно не сомневаться, что изделия такой артели находили бы широкий сбыт.

Разнообразны и бытовые предметы из дерева: плошки, солонки, мутовки (хяркин), ложки (луэкиад), прялки (кõжьель), веретена (вяртин). Резной орнамент встречается лишь на прялках и веретенах. Роспись чаще можно увидеть на ложках, прялках, сундуках (сундугад), посудных шкафчиках (шкапад). Орнамент геометрический и стилизованный растительный. Прежде существовал обычай, согласно которому молодой человек должен был сам сделать и подарить своей невесте прялку и веретено, которые он украсил резьбой или росписью.

Из дерева же изготовлялись ткацкие станы (кånгаз), которые еще и теперь имеются почти в каждом хозяйстве. У вепсов распространен горизонтальный стан. В прошлом ткани домашнего изготовления — льняные, суконные, а также полусуконные (основа — льняная, уток — шерстяной) были единственным материалом для изготовления одежды (собад), рушников (кязипайк), скатертей (пюхкин) и т. п., но уже в середине XIX в. дешевая фабричная мануфактура стала вытеснять дмотканину. Теперь на станах изредка ткут лишь комнатные дорожки — половики (половйкад).

В материальной культуре вепсов нет резких отличий от окружающего русского населения (несколько в основном орнамент вепсов и русских). Это объясняется, по-видимому, тем, что вепсы и соседние с ними русские живут в условиях одинаковой географической среды, имеют один и тот же тип хозяйства, что не могло не отразиться на выработке сходных черт культуры; нельзя, конечно, игнорировать и культурные взаимовлияния в течение многих столетий.

Впрочем, если взять одежду вепсов, то здесь картина будет несколько иной. Основные элементы женской одежды — рубаха (пайд), юбка (дюбк) и кофта (кофт); таким образом, этот комплекс отличается от «сарафанного комплекса», распространенного в более северных районах Карельской АССР. Женская рубаха (рйяддин) состоит из становика-подола (становик), сшитого из четырех полотнищ, и верхней части — лифа, иногда с воротом (ринд), с короткими или длинными рукавами (хйямад), в сборку (сборк), с ластовицами (лåстовиц); верхнюю часть шили из покупного материала, чаще из ситца. Поверх рубахи надевали коленикоровую юбку (юлк, дюбк), сшитую из четырех-пяти полотнищ, и казачок (кåзакк) — род кофты; сшитой в талию, с длинными рукавами. Юбка и казачок бывали, как правило, очень ярких цветов, непременно разных; сзади у пояса завязывали огромный бант из яркой ленты. Девушки покрывали голову платком (пайк), а замужние женщины под платком носили еще повойник (сõрокк). Своеобразны женские головные уборы соседнего русского района Ладвы — Таржеполя: здесь прежде носили высокий кокошник из парчи с жемчугом и бисером, о бытовании которого у вепсов нет никаких сведений. На работу надевали дмотканную юбку, сшитые из трех-четырех полотнищ, а на грязные работы — дерюжные или так называемые «одеальные» юбки. Распространены также передники (пёрдник). Можно сказать, что район расселения вепсов с непосредственно примыкающим районом верховья Свири представляет собою «юбочный» островок среди окружающего его «сарафанного» моря. Впрочем, термин «сарафан» у вепсов известен, но одежды, обозначавшейся этим термином, нигде найти не удалось — она уже совершенно исчезла. По рассказам же наиболее пожилых из наших информаторов, вепсский «сарафан» ничего общего с русским сарафаном не имеет: это та же юбка. Традиционная одежда у молодых вепских женщин уже вышла из употребления. Рубаху, длинную юбку, казачок можно найти теперь лишь в сундуках старух.

⁶ Ср. «Финноугроведение», Л., 1931, № 1.

Зимнюю одежду составляли кафтан (кóухтан) из домашнего сукна, сшитый в талию, и овчинная шуба (пёу).

Мужской костюм составляли белая нижняя рубаха (пáнд) туникообразного покроя, с ластовицами другого цвета, сшитая из домашней льняной ткани; льняные порты (кáддят); верхняя рубаха и порты из крашеной домотканной или пестряди. Головные уборы были покупные: картузы, шляпы (шляппь), треухи; лишь изредка, как говорят, раньше можно было встретить меховые шапки (шáпк кóройдене) местного изготовления, но каков был их покрой, выяснить не удалось.

Большой интерес представляет обувь вепсов. Район расселения вепсов — один из немногих на Севере, где были в употреблении лапти, плетенные из бересты, тогда как в большинстве районов Севера была издавна распространена кожаная обувь. Впрочем, у вепсов лапти употреблялись по большей части в качестве рабочей обуви, в особенности во время сенокоса на болотистых лесных полях. Обычно они также ходили в кожаной обуви. Сами вепсы утверждают, что женская обувь за последние 50—70 лет в основном была покупной. Это были ботинки с высокой шнуровкой, на небольшом каблуке, преимущественно фабричного производства. Наряду с этим выделялась и местная женская обувь, по-видимому, мокасинаобразного типа — чуни⁷. Мужские сапоги домашнего пошива предпочитали покупным. Их шили на прямой колодке, т. е. оба сапога одинаковыми, без разделения на правый и левый. Эта особенность также является специфической для прионежских вепсов и не прослеживается в смежных русских районах, например, в районе Ладва — Гаржеполь.

Сейчас эти виды обуви уже вышли из употребления. Лаптей и чуней не носят; сапожные сапоги можно увидеть только у стариков. Теперь носят исключительно обувь фабричного производства, в том числе валяную обувь, которая раньше у вепсов была мало распространена.

* *
*

Фольклор вепсов (как можно судить по собранным участниками нашей экспедиции материалам) разнообразен и довольно богат. Правда, вепсы — один из немногих прибалтийско-финских народов, среди которых не распространен эпос типа «Калевалы». Среди них никто и никогда в ответ на наши настойчивые расспросы не сказал, что слышал что-нибудь о Вяйнямэйнене, Илмаринене, Еукайханене, Куллерво или о каком-нибудь другом герое этого широко распространенного в Прибалтике эпоса. Если вепсы не знают и, по-видимому, не знали в прошлом рун «Калевалы», то и «Калевала» не знает вепсов, хотя она отлично знает эстов, русских и некоторые другие народы.

С другой стороны, вепсы не знают и русских былин, а если и слышали о богатырях, то только по радио или читали о них в книгах. Былины, даже записанные на севере, также не знают вепсов, или весь, они знают лишь «чудь белоглазую»⁸, отождествлять которую с древними вепсами пока еще рискованно, хотя некоторые основания для этого имеются. Не предвешая вопроса о причинах отсутствия у вепсов эпоса, заметим, что эта черта, по-видимому, отдаляет их от других прибалтийско-финских народов, сближая с коми и, может быть, с волжскими финнами.

Впрочем, зачатки героического эпоса имеются и у вепсов. Мы имеем здесь в виду широко бытовавшие в прошлом в районе расселения вепсов (отчасти сохранившиеся и теперь) легенды о «чуди», которые можно считать этногенетическими преданиями. Эти легенды согласно указывают на имевшие место в древности передвижения чуди в результате военных поражений при столкновениях с новгородцами, в частности на территории современных Каргопольского района Архангельской области и Пудожского района Карельской АССР.

В легендах о чуди имена героев уже не сохранились; в них речь идет о народе в целом. Однако в прошлом в них называлось, например, имя чудского военачальника Аминта⁹.

Имеется у вепсов и легенда, в которой содержится попытка дать объяснение, почему прионежские вепсы живут оторванно от ленинградских. Согласно легенде, вепсы прежде жили по обоим берегам Свири компактным массивом; однако, находясь в составе русского государства, они не хотели служить в русской армии, скрывая рекрутов в лесах; за это будто бы Петр I, проезжая однажды с войском по Свири (отголосок событий 1702 года), приказал переселить вепсов на 30 верст в обе стороны от этой реки, что якобы и было выполнено. Едва ли можно думать, что это было действительно так; однако указание легенды на прежнее компактное расселение вепсов по обоим берегам Свири заслуживает внимания и находит себе подтверждение и в других источниках.

⁷ Любопытен самый термин; южнее и восточнее от Онежского озера этим словом обозначают вид лаптей (см. В. И. Даль, Толковый словарь, М., 1955, т. IV, стр. 615).

⁸ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1938, № 21.

⁹ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под редакцией В. П. Семенова, т. III, СПб., 1900, стр. 106.

Значительное развитие получила у вепсов культура песни. В некоторых вепских песнях (пáя) отражены местная природа, занятия народа. Приведем образец такой песни (в переводе на русский):

Вепсская земля — на берегу озера,	За нивами идут поля,
На берегу озера — покосы,	На полях растет пшеница и ячмень.
На нивах пастух пасет коров,	

Песен у вепсов много, и они разнообразны по жанрам: лирические, свадебные, шуточные, трудовые. Очень задушевные и трогательны свадебные причитания невесты (пéвест). Эти причитания в старину исполнялись и по-вепски, и по-русски. Ниже мы даем русский перевод свадебной причеты, исполненной по-вепски:

Дорогие мои родители,	Дорогие мои подруженьки,
Не было вам жаль отдать за чужанина;	Расплетайте мои девичьи косы,
Сокрушили навек мое счастье,	Отпустите мою девичью волю,
Отдали за немилого.	Возьмите себе мои красные ленточки.

Традиционная вепсская песня рисует тяжелую жизнь вепсской семьи в царской России:

Приходила в избу сватушка,	Не жили мы так и не видели,
Сваха сватала да хвастала:	А пожилы, так поотведали:
«Как у нашего у молодца	Горькой редькой поле сеяно,
Изюмом да поле сеяно,	Горькими слезами поливано.
Сахарной водой поливано».	(Исполнено по-русски)

Многие из песен оригинальны и поются на вепском языке. Иные, действительно, являются лишь переводом с русского; например, большую популярность приобрела песня «Потеряла я колечко», которую пели и по-вепски, и по-русски. Значительное количество русских песен, в особенности с начала нашего столетия, перенято вепсами, что приводит на некоторых ошибочное впечатление чуть ли не полного вытеснения местного фольклора русским. Следует отметить в этой связи, что даже русские песни вепсы поют на свой манер: в мелодиях одних и тех же русских песен имеются различия при исполнении их прионежскими вепсами и русским населением района Ладвы — Таржеполя.

Есть у вепсов и сказки (старинад): волшебные, бытовые, сатирические, о животных. Свообразны пословицы (например: «С остряй уйдешь, — с обуха тем более»), загадки (например: «Из одной квашни — неодинаковый хлеб. — Яйцо»; «Черный да сладкий. — Печеная репа»).

Среди вепсов имеются великолепные песельники (пáяникад), сказочники (сáрной-дек сáнуй).

Учитывая отсутствие письменных источников по истории вепсов, следует особенно тщательно исследовать данные вепского фольклора¹⁰ как источника познания исторической обстановки, быта, нравов и культуры народа на протяжении веков.

Современный вепский фольклор представлен в первую очередь частушками; они очень распространены. Особенно популярны частушки сатирического содержания о лодырях, рвачах, пьяницах и пр. Широко распространены песни советских авторов.

Вепсских танцев не сохранилось. Вепсы раньше танцевали кадрили (в четыре и шесть фигур), «блáнцы»; теперь вошли в быт те же танцы, что и у горожан.

Родильные, свадебные, похоронные и другие обычаи и обряды, а также верования вепсов во всем — до мелочей — совпадают с русскими, распространенными в районах, смежных с территорией расселения вепсов. Это может быть следствием прямого контакта вепсов с русским населением; но может оказаться, что русские этих смежных районов — обрусевшие вепсы, сохранившие, несмотря на языковую ассимиляцию, свои верования, обычаи и обряды.

Вепсы в подавляющем большинстве двуязычны. Сейчас уже невозможно найти вепса, который не знал бы русского языка. Родным языком вепсы пользуются только в быту, дома, называя его «карманным». Даже на собраниях ораторы говорят большей частью по-русски. Русское языковое влияние особенно сильно проявляется в области лексики, не распространяясь на область морфологии¹¹.

Следует отметить, что переходу на русский язык очень способствуют браки вепсов с русскими, которые стали теперь обычным явлением.

¹⁰ Не считая сбор вепского фольклорного материала прямой обязанностью этнографов, мы не уделили этому достаточного внимания, о чем теперь крайне сожалеем, особенно ввиду того, что фольклористы Карельской АССР совершенно не занимаются фольклором вепсов.

¹¹ См. Н. И. Богданов, Вепский язык на данном этапе его развития. Тезисы доклада, прочитанного на научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР в апреле 1955 года.